

НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВА

ТАИНСТВЕННЫЙ
САПФИР
АПОСТОЛА ПЕТРА

МОСКВА

НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВА

ТАИНСТВЕННЫЙ
САПФИР
АПОСТОЛА ПЕТРА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *О. Фатиховой*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Тайственный сапфир апостола Петра : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2027. — 320 с.

ISBN 978-5-04-254546-7

После смерти Христа апостол Петр оправил четыре камня, данные ему Мессией, в золотой крест и всегда носил его при себе. Святой Петр обладал огромной духовной силой, совершал чудеса, исцелял больных и страждущих. Есть версия, что помогал ему в этом чудотворный золотой крест. После падения Римской империи была разграблена и могила Святого Петра в Ватикане. Четыре варвара, нашедшие захоронение, по справедливости поделили четыре драгоценных камня и разошлись в разные стороны. С тех пор судьба камней неизвестна. Существует легенда, что, если кто-то сумеет собрать эти четыре камня вместе, этот человек будет обладать бесконечной властью над телами и душами людей... Искусствовед Агния Иволгина, помощница антиквара Борового, не могла понять, почему ее босс с таким остервенением торговался на аукционе в Венеции за кубок, не представлявший, по ее мнению, особой ценности. Однако, когда в тот же вечер Боровой был убит при попытке ограбления, а сама Агния едва не погибла в подстроенной аварии и при этом исчезло главное украшение кубка — огромный синий сапфир, девушка поняла: неспроста Боровой выложил такую огромную сумму за ничем не примечательный лот!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254546-7

© Александрова Н.Н., 2027
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2027

Там, где много лет назад билось сердце мира, — теперь бродили волки и лисы в поисках добычи. Там, куда сходились мощенные камнем дороги из Галлии и Испании, из Паннонии и Фракии, — теперь остались только звериные тропы. Там, куда привозили хлеб и медь из Карфагена, пряности и шелка из Парфии, драгоценную древесину из Ливана, золото и самоцветные камни из далеких восточных земель, — теперь царили нищета и запустение. Там, где днем и ночью говорили на ста языках, торговали и спорили, заключали миллионные сделки и приносили клятвы незнакомым богам купцы и просители, съехавшиеся со всех концов мира, — теперь царила мертвая тишина, нарушаемая только таинственным шепотом ветра в ветвях да ночным криком сов.

Там, где величественно проходили гордые римские патриции в сопровождении телохранителей-ликторов, где спешили по делам удачливые вольноотпущенники и богатые, пышно разодетые купцы из Парфии или Галлии, — теперь кралась лиса, почуявшая в кустах куропатку. Там, где пировали сенаторы и военачальники, — теперь волк обгладывал чьи-то жалкие остан-

ки. На месте римского форума зеленела роща, ласточки устроили гнезда в выбоинах облицованных мрамором стен. Кое-где среди зарослей терновника валялись прекрасные мраморные статуи, но и они, если приглядеться, были безнадежно обезображены — у одной не хватало руки, у другой был отбит нос.

Великий город, Вечный город Рим пережил свой блистательный расцвет, пережил свой упадок и умер под ударами варваров. Готы Алариха, вандалы Гейзериха, лангобарды Вальтария страшными волнами набежали на Вечный город, разрушали его храмы и угоняли в рабство гордых римских граждан. Десятки полудиких племен — герулы и везеготы, бургунды и аланы — возникали, как призраки, нападали на Вечный город, чтобы урвать свой кусок от его неисчислимых сокровищ и снова исчезнуть в бескрайних лесах севера или бесплодных пустынях востока, унося с собой золотые светильники из храма Юпитера Капитолийского или драгоценную утварь из ограбленного императорского дворца...

И наконец, от Рима не осталось ничего. Или почти ничего.

Последние жалкие остатки некогда гордых римлян ютились в землянках и лачугах, кое-как притулившись рядом с разрушенным форумом или под стеной Колизея. Теперь нельзя было отличить патриция от плебея, потомка сенаторов от уличного попрошайки. Все они с трудом находили себе пропитание и прятались при первых звуках приближающихся варварских отрядов.

Вот и сейчас все они попрятались, и древний форум казался вымершим — по его разбитым плитам ехали верхом четыре рослых бородатых воина, четыре гер-

манца. Может быть, лангобарды, может быть, бургунды, кто их разберет...

— Зря мы сюда притащились, — говорил рыжебородый варвар с обезображенным шрамом грубым лицом, в помятом медном панцире. — Не нравится мне это место. Того и гляди, нарвешься на засаду. Зря мы сюда притащились...

Самый рослый из варваров, могучий воин в железном шлеме, украшенном бычьими рогами, повернулся к спутнику и произнес хриплым голосом:

— Я не узнаю тебя, Одорих! Ты никогда не робел, даже в тот день, когда мы вдвоем наткнулись на целую шайку аваров!

— Одно дело — авары, их я встречал не раз и убивал десятками. А здесь какое-то дурное место, мне кажется, оно населено злыми духами, а супротив злых духов не помогут ни меч, ни боевой топор! И вообще, что нас сюда привело? Что мы ищем среди этих развалин?

— Золото, Одорих! Мы ищем золото! Мой свояк Ругидий привез отсюда целый пуд всяких золотых побрякушек!

— Откуда здесь золото? — не унимался рыжебородый. — Здесь одни руины, в которых живут совы да еноты...

— Когда-то здесь был самый богатый и славный город в мире, — возражал ему предводитель. — Здешние жители ели на серебре и золоте, расчесывали волосы золотыми гребешками и пили сладкое вино из золотых кубков. Не может такого быть, чтобы от этого богатства ничего не осталось!

— Очень даже может! — гнул свое Одорих. — По этим местам уже прошли все племена, все войска и шайки, какие только есть на свете! Отсюда уже

унесли все, что можно! На что ты рассчитываешь, Рагнар, после всех этих людей?

— На что я рассчитываю? На свое везение! Ты же знаешь, Одорих, как любят меня боги! Я не верю, что здешние жители ничего не припрятали на черный день...

— Местные жители? Да где они, эти жители?! Я не вижу здесь никого, кроме диких зверей, да и те убегают при нашем появлении! Никого, кроме лис да барсуков!

— Не видишь? — переспросил его Рагнар. — А ты про- три глаза да посмотри хорошенько! Вон, за тем кустом, смотри, там притаился какой-то старик!

Рагнар спрыгнул с лошади, бросился вперед и схватил за плечо худого смуглого старика, который безуспешно пытался ускользнуть в узкий темный лаз вроде устья пещеры.

— Вот, глянь-ка, Одорих, какого барсука я поймал!

— Не знаю, какой прок тебе в этом оборванце! — проворчал Одорих, слезая с коня. — Неужели ты дума- ешь, что у него есть золото? Ты у него ничего не най- дешь, кроме вшей!

— Отпустите меня, добрый господин! — заговорил, отдышавшись, старик. — Ваш друг прав: я беден, как мышь, с меня вам не будет никакой прибыли! У меня нет не то что золота, но даже пропитания! Отпустите меня во имя Христа...

— Так ты почитатель этого странного бога? — Раг- нар с интересом взглянул на пленника. — Я слышал про него. Один мой родич сам стал христианином. Правда, это ему не помогло — он погиб в стычке с шайкой ве- зиготов...

— Так отпустите меня, добрый господин! — повто- рил старик. — Это зачтется вам на Страшном суде...

— Ты никак вздумал меня пугать? — нахмурился германец. — Ты угрожаешь мне каким-то судом? Вот этого я не люблю! Для меня есть только один суд — суд моего меча!

— Я говорю не о земном суде, — ответил ему христианин. — Я говорю о суде небесном! На этом суде все предстанут пред очами Господа — бедные и богатые, сильные и слабые, господа и нищие...

— Не говори ерунды! Никогда слабый не сравняется с сильным! Говоришь, у тебя ничего нет? А куда ведет эта нора? Надо бы ее проверить!

Смуглое лицо старика побледнело, он затрясся и проговорил жалобным, умоляющим голосом:

— Это просто звериная нора, добрый господин! Я прячусь в ней от непогоды и от злых людей... клянусь тебе, там ничего нет! Да ты и не пролезешь туда, добрый господин! Она годится только для такого тщедушного человека, как я!

— Что-то уж больно ты заволновался, христианин! — Рагнар нахмурился, приблизился к устью пещеры и заглянул внутрь. — Не иначе, ты прячешь здесь свои сокровища!

— Какие сокровища? — лепетал старик. — Вы же видите, добрый господин, я нищ!

— Всякое бывает, всякое бывает! — Германец позвал одного из своих молодых спутников, отломил ветку от куста, зажег ее кремневым огнем и подал молодому воину: — Арнульф, полезай вперед с факелом, мы последуем за тобой!

— Не нужно, добрый господин, не нужно! — причитал старик. — Свод может обрушиться на вас... Будет очень жаль, если погибнут такие добрые господа!

— Что это ты так за нас переживаешь? — ухмыль-

нулся Рагнар и толкнул старика в пещеру вслед за воином с факелом. — Полезай-ка в свою нору!

Старик, всхлипывая, полез вперед.

Узкий проход вскоре расширился, превратившись в подземный коридор. Рагнар принялся: в подземелье пахло чем-то неприятным, очень неприятным... Варвар узнал этот запах: в подземелье пахло смертью. Одорих, который шел вслед за Рагнаром, тоже почувствовал этот запах. Он замедлил шаги и вполголоса проговорил:

— Не нравится мне здесь... Может, и правда, вернуться?

— Ну уж нет! Теперь я ни за что не вернусь! — прохрипел Рагнар и решительно зашагал вперед.

Молодой Арнульф, возглавлявший процессию, издал удивленный возглас и попятился.

По стенам подземелья в несколько рядов лежали высохшие человеческие трупы.

— Что это такое, христианин? — спросил Рагнар старика.

— Это место, где мы, христиане, хороним своих мертвых, — ответил тот тихо. — Прошу вас, добрые господа, проявите уважение к их смерти, не тревожьте их бранные останки!

— Пойдем отсюда, Рагнар! — проговорил рыжебородый, догоняя спутников. — Не люблю мертвецов... От них у меня становится щекотно в животе...

— Ты никак трусил, Одорих? — усмехнулся Рагнар.

— Не говори так! — Одорих возмущенно побагровел. — Ты знаешь, что я никогда не был трусом! Я готов сразиться хоть с сотней врагов — но только живых врагов! Но мертвецы — это совсем другое дело, от них никогда не знаешь, чего ждать! Вдруг они оживут и набросятся сзади? Вдруг они выпьют всю мою кровь?

— Так и говори, что трусил! Теперь, когда мы нашли могилы этих христиан, отступить не время! Наверняка где-то тут они прячут и свои драгоценности!

— У нас нет никаких драгоценностей, добрый господин! — повторял старик самым жалобным голосом.

— Я это уже много раз от тебя слышал, старик! — прикрикнул Рагнар на христианина. — Умолкни и иди вперед!

Германцы шли дальше вслед за стариком — и чем дальше они шли, тем медленнее и неохотнее двигался их провожатый.

— Шагай быстрее, старик! — прикрикнул на него Рагнар и ткнул христианина в спину.

— Я стар... — жалобно произнес тот, спотыкаясь. — Здесь темно... Я не могу идти быстрее...

— Шагай, если не хочешь познакомиться с моим мечом!

Христианин что-то невнятно пробормотал, сделал еще несколько шагов и остановился.

— Прошу вас, не заставляйте меня идти дальше, добрые господа! — проговорил он жалобным голосом.

— Еще как заставим! — рявкнул Рагнар. — Я чувствую впереди запах сокровищ, и ты приведешь нас к ним!

— В этом подземелье нет никаких сокровищ! — воскликнул христианин с неожиданной страстью. — То есть в нем нет никаких земных сокровищ, тех, которых вы желаете! Здесь есть только сокровища духа! Сокровища нашего Небесного Отца!

— Нам без разницы, чьи это сокровища — мы их заберем, чего бы это ни стоило, хочешь ты этого или не хочешь!

— *Вы не так меня поняли... это не сокровищница, добрые господа, это кладбище... Здесь нашли свое последнее упокоение святые, благочестивые люди...*

— *Старик, мне надоела твоя болтовня! Еще одно слово — и я отрублю тебе руку! — И варвар потянул свой меч из ножен, угрожая сверкая глазами.*

Старик тяжело вздохнул и сделал еще несколько шагов. Он едва передвигал ноги, как будто к каждой была прикована пудовая гиря.

Подземелье расширилось, свод его стал гораздо выше, потерявшись в темноте.

Воин с факелом в руке вышел вперед, поднял факел над головой, чтобы осветить помещение, в котором они оказались.

Это был большой грот со сводчатым потолком и выложенными кирпичом стенами. Должно быть, прежде это был подвал какого-то из римских храмов, но сейчас этот грот был, как и все подземелье, превращен в захоронение.

Только здесь был похоронен всего один человек.

Он покоился посреди грота на мраморном возвышении, со сложенными на груди руками. Лицо и все тело этого человека не были тронуты тлением, от него не исходил тлетворный запах смерти, запах разложения, напротив, этот мертвец источал тонкое, едва уловимое благоухание.

Гладкий лоб с глубокими залысинами казался необыкновенно высоким, тонкие седые волосы ниспадали на плечи.

Мертвец был облачен в длинное одеяние из белого льна и в грубые кожаные сандалии.

Весь его облик был исполнен такого удивительного величия, что Рагнар невольно попятился и непривычно тихим голосом спросил христианина:

— Кто это? Какой-то мертвый вождь?

— Да, это вождь всех праведных, это наследник великого владыки, ученик и преданный слуга нашего Господа. Это о нем сказал Спаситель: Ты — Петр, камень, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее! Он нес нам слово Божье, он был нашим добрым пастырем... Покиньте это место, добрые господа, не тревожьте вечный покой святого!

— Кто бы он ни был, мы не уйдем отсюда прежде, чем заберем его сокровища! — воскликнул, выходя вперед, рыжебородый. — Не зря же мы тащились по этому подземелью!

— Я говорил вам, добрые господа, что здесь нет никаких сокровищ! — повторил христианин.

— Никаких сокровищ? — повторил за ним рыжебородый. — А это что?

Он протянул к мертвецу руку и схватил крест, покоившийся на его груди. Массивный золотой крест был по четырем концам украшен четырьмя сияющими камнями — синим, как полуденное небо, красным, как закатное солнце, зеленым, как пронизанное светом южное море, и янтарно-желтым, как солнце.

— Не трогайте этот крест, добрый господин! — закричал христианин, бросившись к германцу. — Не трогай эту святыню, варвар! Убери от нее свои грязные руки!

Он выхватил из своих лохмотьев заржавевший кинжал и попытался ударить германца в грудь, но молодой воин, который стоял в тени, опередил его и молниеносным ударом меча поразил христианина.

Старик рухнул на пол возле мраморного возвышения и забился в предсмертных конвульсиях.

— Туда ему и дорога! — проговорил Рагнар, оттал-

кивая мертвого христианина к стене. — Ну что ж, похоже, что больше ничего стоящего в этом подземелье мы не найдем. Остается только один вопрос: как поступить с этим крестом?

— Мы, вольные германцы, должны поступить по справедливости! — подал голос молодой воин, который убил христианина.

— По справедливости? — повторил за ним рыжебородый. — Ты так считаешь, Герузий? Я думаю, что самое справедливое — разыграть его в кости!

— Нет, в кости с тобой я играть не буду, — возразил Рагнар.

— Что, ты хочешь сказать, что я нечестно играю? — Рыжебородый потянулся за мечом.

— Нет, я хочу сказать, что тебе чересчур везет.

— Значит, меня любят боги!

— Все равно, как ни называй, — это не будет справедливо. Я предлагаю вынуть из креста камни и разделить их. Камня четыре — и нас четверо. — А сам крест?

— Сам крест мы оставим этому святому. — Рагнар взглянул на величественного мертвеца. — У нас же есть обычай отдавать часть добычи богам...

— Мы отдаем часть добычи своим богам — но это не наш бог и не наш святой! — возразил рыжебородый.

— Пусть так, но все же оставим ему крест, чтобы он не слишком гневался!

— Пусть будет по-твоему! — неохотно согласился рыжебородый.

Выбравшись из подземного склепа, германцы прошли еще немного среди руин Вечного города и остановились

там, где начинались вымощенные камнем дороги, расходящиеся в разные стороны.

— Здесь наши пути расходятся, — проговорил Одох, оглядываясь по сторонам. — Я отправлюсь на запад, к королю франков. Говорят, он набирает дружину, чтобы сразиться с везиготами.

— А я хочу попытать счастья на востоке, — сказал молодой Герузий, который только что заколол христианина. — Мезигий, вождь аваров, хочет поступить на службу к византийскому базилевсу.

— А я отправлюсь на север, к фризам, — произнес, в свою очередь, Рагнар. — Они собираются в морской поход на дальние острова. Настоящее дело для настоящего воина.

— А я отплыву с вождем вандалов Рустом на юг, в африканские земли, — сообщил самый молодой воин, Арнульф. — Что ж, нам было весело вместе, и я никогда не забуду вас, друзья!

И четыре варварских воина двинулись в разные стороны, навстречу своей изменчивой судьбе.

Темно-красный джип подъехал к металлическим воротам и затормозил. Водитель посигналил, и ворота медленно раздвинулись. Джип въехал во двор, проехал по усыпанной гравием дорожке, обсаженной розовыми кустами, и остановился перед большим двухэтажным домом из калиброванных золотистых бревен. Из машины выбрался высокий подтянутый человек с военной выправкой, человек без возраста, с коротким жестким ежиком стальных волос и выдубленной солнцем кожей бесстрастного лица. Прежде чем подняться на крыльцо, он быстро огляделся по выработанной годами привычке всегда и всюду определять уровень опасности.

Двор был пуст, только в дальнем конце большого участка работал садовник, подстригая разросшиеся кусты.

Человек без возраста поднялся на высокое крыльцо, подошел к двери — и дверь послушно распахнулась перед ним, пропустив гостя в просторный холл.

Одну из стен целиком занимал огромный, сложенный из натурального камня камин, на полу перед ним лежала настоящая медвежья шкура. В глубине поме-

щения, возле двери, ведущей в заднюю часть дома, находилась лестница на второй этаж.

Не задерживаясь в холле, человек без возраста поднялся по этой лестнице, прошел по узкой галерее и остановился перед второй дверью.

Лицо его оставалось спокойным, но он машинально одернул светлый пиджак и стряхнул с рукава несуществующую пылинку. Для него это было высшим проявлением волнения.

Это волнение удивило бы всякого, кто знал этого человека. Оно удивило даже его самого.

Ему приходилось входить в личные покои африканского диктатора, о котором говорили, что он съел печень своего политического оппонента; в палатку вождя афганского племени, только что вырезавшего целое селение; в тайное убежище одного из самых опасных международных террористов. Но, пожалуй, никогда еще он не был так взволнован. Тот, кто ждал его за дверью, был опаснее их всех.

Выждав несколько секунд, мужчина постучал.

— Входите, полковник! — донесся из-за двери мягкий, музыкальный голос.

Тот, кого называли полковником, открыл дверь и вошел.

Он оказался в небольшой комнате, вся обстановка которой состояла из нескольких одинаковых стеллажей и длинного рабочего стола, где стояли два микроскопа и еще несколько сверкающих хромом приборов. За этим столом сидела пожилая женщина с аккуратно уложенными волосами цвета темного меда. Женщина что-то внимательно разглядывала в большой бинокулярный микроскоп.

Впрочем, она была в этой комнате не одна. На полу

возле ее ног лежала огромная угольно-черная собака, а возле окна стоял коренастый мужчина с бледным, растерянным лицом.

При появлении нового гостя собака поднялась, потянулась, зевнула, показав белоснежные клыки, при этом под шелковистой черной шкурой перекатились мощные мышцы.

— Здравствуйте, полковник! — проговорила женщина своим музыкальным голосом, оторвавшись от микроскопа и внимательно взглянув на гостя.

— Но вы, кажется, заняты... — тот, кого называли полковником, кивнул на мужчину у окна.

— Нет, мы с майором уже поговорили.

— Но, Елена Юрьевна, я не виноват! — Мужчина у окна шагнул вперед, но собака приподнялась и зарычала. — Я не виноват, так неудачно сложились обстоятельства!

— Я уже все сказала! — холодно оборвала его женщина.

— Дайте мне второй шанс!

— Никаких шансов! Вы знаете, что я не прощаю ошибок! — И женщина хлопнула в ладоши.

Тотчас в глубине комнаты открылась неприметная дверь, и в комнату вошла девушка в скромном темном платье.

— Лиза, солнышко, проводите майора! — приказала хозяйка. — Только, пожалуйста, без шума!

— Я сам найду выход! — выпалил майор и двинулся к двери, через которую вошел полковник.

Собака снова поднялась с глухим, угрожающим рычанием и заступила ему путь.

— Вы совсем разучились вести себя, майор! — холодно проговорила хозяйка. — Вам не туда! Вы вый-

дете через запасной выход. И я же сказала — вас проводит Лиза!

Майор попятился, оглядываясь, как загнанный зверь. Девушка в темном платье подошла к нему, взяла за плечо. Сильного, подтянутого человека била крупная дрожь, но он послушно пошел к задней двери, куда направляла его Лиза. Собака шла следом, как будто провожая майора в последний путь.

Майор и его спутница скрылись за дверью, собака села на пороге, к чему-то прислушиваясь.

Почти сразу из-за двери донесся негромкий, приглушенный крик. Полковник вздрогнул.

— Я же просила — без шума! — поморщилась хозяйка и продолжила, обращаясь к новому гостю: — Посмотрите, полковник, как она красива!

Полковник не сразу понял, о чем или о ком она говорит. Когда же понял, он послушно приблизился и бросил взгляд на то, что разглядывала женщина. На предметном столике микроскопа лежала огромная яркая бабочка с изящно развернутыми крыльями, покрытыми сложным красновато-коричневым узором.

— Это сатурния атласная, *Attacus Atlas*, одна из самых больших бабочек в мире. Но теперь посмотрите на нее в микроскоп! — потребовала женщина.

Полковник заглянул в окуляры микроскопа — и отшатнулся от неожиданности: перед ним оказалось какое-то уродливое, страшное существо, словно порожденное кошмарным сном.

— Что с вами, полковник? — Женщина засмеялась неожиданно резким, каркающим смехом. — Она вас напугала? А я думала, вас невозможно испугать!

— Простите, Елена Юрьевна, это от неожиданности! Я не думал, что эта бабочка такая...